

ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ С. КИССИНА И СТИХОТВОРЕНИЕ В.ХОДАСЕВИЧА «ПОЭТУ»: ИСТОРИЯ ОДНОГО РАЗОБЛАЧЕНИЯ**АНИ ПЕТРС-БАРЦУМИАН**

Аннотация: Статья посвящена литературной мистификации Самуила Киссина (Муни) и истории ее разоблачения. С. Киссин пытался воплотиться в другого человека – Александра Александровича Беклемишева – и сконструировать иное авторское «Я», отличное от своего собственного. Результатом этого эксперимента стали несколько стихотворений и повесть «Летом 190* года», написанная по следам переживаемой Киссином жизненной драмы. Опыт подобного воплощения тяжело сказывался как на самом Киссине, так и на его окружении, и в 1908 году под именем Елизаветы Макшеевой В. Ходасевич опубликовал стихотворение «Поэту», которое должно было поставить точку в тяжелой любовной истории Киссина и его затянувшимся житнетворческим эксперименте. Далее исследуется природа литературной мистификации Киссина в свете феномена двойничества, а также двойственная специфика пограничного состояния как героев, так и автора (авторов) повести. На основании дневниковых записей, воспоминаний, изучается история разоблачения литературной мистификации Киссина, а сопоставление стихотворений Ходасевича («Поэту»), Державина («Анакреон в собрании»), Баратынского («На что вы, дни!..») и Беклемишева («Голодные стада моих полей!..»), позволяет выявить связь этих произведений, а в конечном счете – назначение публикации Ходасевича. В статье акцентируется разоблачающая функция стихотворения Ходасевича, а в заключении утверждается карнавальная сущность как самой повести «Летом 190* года», так и произведения Ходасевича, сыгравшего ключевую роль в истории с разоблачением литературной мистификации Киссина.

Ключевые слова: *литературная мистификация, С. Киссин (Муни), Александр Беклемишев, Ходасевич, Державин, двойничество*

S. KISSIN'S LITERARY MYSTIFICATION AND THE POEM OF V.KHODASEVICH "TO THE POET": THE STORY OF ONE EXPOSURE**ANI PETRS-BARTSUMIAN**

Abstract: The article is devoted to the literary mystification of Samuil Kissin (Mouni) and the history of its exposure. S. Kissin tried to incarnate in another person - Alexander Alexandrovich Beklemishev and construct a different author's "I", different from his own. The result of this experiment was several poems and the story "In the Summer of 190*", written in the wake of the life drama experienced by Kissin. The experience of such an incarnation had a hard effect both on Kissin himself and on his entourage, and in 1908, under the name of Elizaveta Maksheeva, V. Khodasevich pub-

lished the poem "To the Poet", which was supposed to put an end to Kissin's difficult love story and his protracted life-creating experiment. Next, the nature of Kissin's literary mystification is examined in the light of the phenomenon of duality, as well as the dual specificity of the borderline state of both the characters and the author (authors) of the story. On the basis of diary entries, memoirs, the history of exposing the literary hoax of Kissin is studied, and a comparison of poems by Khodasevich ("To the Poet"), Derzhavin ("Anacreon in the Assembly"), Baratynsky ("What are you, days for!") and Beklemishev ("Hungry herds of my fields!.."), allows us to reveal the connection between these works, and ultimately the purpose of Khodasevich's publication. The article emphasizes the revealing function of Khodasevich's poem, and in the conclusion, the carnival essence of both the story "In the Summer of 190*" and the work of Khodasevich, who played a key role in the story of exposing Kissin's literary hoax, is affirmed.

Keywords: *literary mystification, S. Kissin (Muni), Alexandr Beklemishev, Khodasevich, Derzhavin, duality*

Одной из центральных проблем русского символизма второй половины 1900-х гг. является проблема авторской самоидентификации. «Механизмами самоидентификации и создания культурных кодов эпохи» [Ерохина, 2009, с.7] до первой русской революции были мифотворчество и жизнотворчество, однако ко второй половине 1900-х гг. они трансформировались, приобретя гротескные черты. Разочаровавшись в политике и искусстве, символисты концентрируются на себе, своем внутреннем мире, подсознании, «приватизируя» таким образом внешний хаос [Ханзен-Леве, 2003, с.63]. История *воплощения* Самуила Киссина (Муни) в Александра Беклемишева – это «показательный пример того, что означает мифотворчество в символистской теории искусства, как оно претворяется и к чему приводит в поэзии и в жизни самих “мифотворцев”» [Ланда, 1998, с.5]. Судьба автора таким образом является отражением эпохи символизма, имеет такой же быстрый и трагический финал.

В 1908 году поэт, писатель, литературный критик Самуил Киссин, более известный как Муни, «после одной тяжелой любовной истории <...> вздумал *довоплотиться* в особого человека, Александра Александровича Беклемишева...» [Киссин, 1999, с.15]. *Воплощение* Муни в Александра Беклемишева является примером литературной мистификации, где первостепенную роль играют не опубликованные от имени фиктивного автора произведения, но само конструирование фиктивной авторской инстанции.

Под именем Александра Беклемишева в 1908 г. в «Русской мысли» (в кн. IX и XII) вышли 2 стихотворения и готовилась повесть «Летом 190* года». Двойное «Александр» с редупликацией имени в отчество было выбрано не случайно, ведь именно так звали ближайших университетских друзей Муни – Александра Брюсова и Александра Койранского: «Саша Брюсов, Саша Койранский и Саша – я» – говорил Киссин [цит. по Андреева, 1993, с.24]. Фамилия Беклемишева была заимствована Муни из списка актеров, принимавших участие «в 1786 году в Тамбове в представлении “Аллегорического пролога на открытие театра и народного училища” Державина» [Зорин, 1988, с.34], – а именно у актера-любителя Якова Ивановича

Беклемишева¹, исполнявшего роль пустынноика [Державин, 1867, с.8]². Киссин вместе с близким товарищем В. Ходасевичем увлекался творчеством Г. Державина, изучал его, и такой выбор не был случайностью.

Киссин не просто воплотился в *другого* (точнее – *Другой* в Киссина), он писал и пытался публиковаться от имени Беклемишева. Как вспоминает В. Ходасевич, близкий друг писателя, «на основании опыта с Беклемишевым» он также написал «рассказ о Большакове» [Киссин, 1999, с.15]. Произведение, о котором упоминает Ходасевич, это повесть «Летом 190* года». В ее основе, как писал сам Киссин, – «Голядкин наизнанку» [Киссин, 1999, с.186], вариация сюжета повести Ф. Достоевского «Двойник». Алексей Васильевич Переяславцев и Александр Никитич Большаков живут в одном теле, точнее, Переяславцев *вытесняет* Большакова из тела: Большаков недоволен собой и своей жизнью, не способен что-либо изменить, «и отвращение к себе и жажда *обратного себе* (курсив наш – А.П.-Б.) медленно и болезненно слагалась в облик иного человека, иной души» [Киссин, 1999, с.125]. Этим иным человеком и стал Переяславцев. О раздвоении личности героя не только рассказывается – оно выражается в тексте сменой голосов авторов-рассказчиков. Произведение моделирует реальность и «субъектное видение и сознание самих героев и восприятие этим видением и других, и себя, и сюжетных поворотов» [Меерсон, 2009, с.21], создавая таким образом полифоническую структуру текста.

На рубеже XIX-XX вв. тема двойничества, «мотив “двойного бытия”, одновременного существования в идеальной и действительной реальностях, соответствующих друг другу и взаимосвязанных», хоть и автономных, мотив раздробленности личности на внутреннее и внешнее «я» становятся «основополагающими для эстетических экспериментов русского символизма и эпохи модерна в целом» [Осьмухина, 2009, с.18]. Мотив двойничества – один из основных в повести «Летом 190* года», где в первой части автором выражены две противоположные авторские субъектности: трагестийный Большаков и психологический Переяславцев. Переяславцев – двойник Большакова, он «пытается раз и навсегда подменить героя» [Кантор, 2013, с.111], вытеснить его из тела в частности и из мира – вообще. Переяславцев завладевает не только телом Большакова, но и его текстовым полем, вытесняет Большакова из поля читательского внимания, снижая его значимость в глазах читателей, высмеивая его как художника. Их вражда непримирима, Переяславцев понимает неизбежность и окончательность их борьбы, а для Большакова смерть даже желанна («Ах, если бы он убил меня!») [Киссин, 1999, с.127]). О трагическом исходе можно догадаться также по тому, как именно они решили разрешить конфликт: выехать утром на лодке на озеро, «и кто окажется сильней, тот швырнет другого в воду» [Киссин, 1999, с.128]. Нетрудно догадаться, чем все это кончилось. Так через комическую трансформацию дуэльной ситуации вновь актуализируется трагестийный игровой характер произведения.

¹ Беклемишев Я.И. Российский Родословный Фонд // URL: <https://rgfond.ru/person/161943>

² Яков Иванович Беклемишев не единственный среди актеров с такой фамилией. Помимо него в постановке были задействованы Николай Степанович и Катерина Степановна Беклемишевы.

Герои повести «Летом 190* года» в свою очередь являются двойниками Беклемишева, авторской инстанции Киссина, от лица которой было создано произведение: подобно Переяславцеву, Беклемишев вытесняет Киссина из его тела. История борьбы Большакова и Переяславцева была пережита самим Киссиным и зафиксирована в повести: «месяца три Муни не был похож на себя, иначе ходил, говорил, одевался, изменил голос и самые мысли. Существование Беклемишева скрывалось, но про себя Муни знал, что, наоборот – больше нет Муни, а есть Беклемишев, принужденный лишь носить имя Муни “по причинам полицейского, паспортного порядка”» [Киссин, 1999, с.15]. Беклемишев жил на границе литературы и реальности. А. Жеберин справедливо заметил, что «утрачивая основу в том, что считалось объективной действительностью, человеческая личность теряла самое себя, свою автономию и самоидентичность; рушились господство Я, обусловленное соотносительностью его с миром объектов. Ведь на месте не-Я образовалась пустота, там начали кривляться двойники распадающейся дезинтегрированной личности. Мотивы зеркала, двойника, маски, сравнения жизни с игрой, маскарадом, театральным представлением, пляской призраков – все обычные и характерные явления для литературы fin de siecle» [цит. по: Кантор, 2013, с.113]. Двойничество – это в том числе и вопрос о реальности человеческого существования; там, где нет устойчивости своего бытия, возникают двойники, которые «паразитируют» на этой неустойчивости [Кантор, 2013, с.114]. Киссин не только пытался изменить всего себя, отказаться от всего, «что было связано с памятью о Муни» [Киссин, 1999, с.15], но и получить возможность дальше жить посредством этого отказа, отречения от себя прошлого. «Чтобы уплотнить реальность своего существования, Беклемишев писал стихи и рассказы; под строгой тайной посылал их в журналы» [Киссин, 1999, сс.15-16]. Воплощение Беклемишева обнажает рефлексию Киссина относительно собственного творчества и существования вообще. Как Переяславцев презрительно смеется над лирикой Большакова, так созданный Муни Беклемишев высмеивает его, Муни, творчество. Смех, пародирование становится одним из способов взглянуть извне и осмыслить свое авторство.

Примечательно, что до истории с воплощением в Александра Беклемишева, Киссин вместе с Александром Койранским, будучи еще студентами-третьекурсниками, планировали издавать юмористический журнал, литературный и художественный материал которого, по предложению Койранского, «будет состряпан под разными псевдонимами» самими друзьями [Андреева, 1993, с.24]. Литературные мистификации в начале XX века не были чем-то исключительным и редким, и Муни, как и многие представители творческой столичной молодежи, в частности символисты, не мог не поддаться искушению таким образом расширить и смешать границы литературного и реального. Опыт воплощения в Александра Беклемишева не был просто литературной игрой, это было способом творчески преобразовать жизнь, вмешаться в законы природы и изменить их. Вот как объяснял это Ходасевич: «Символисты не хотели отделять писателя от человека, литературную биографию – от личной. Символизм не хотел быть только художественной школой, литературным течением. Все время

он порывался стать жизненно-творческим методом, и в том была его глубочайшая, быть может, невоплотимая правда, но в постоянном стремлении к этой правде протекла, в сущности, вся его история. Это был ряд попыток, порой истинно героических, – найти сплав жизни и творчества, своего рода философский камень искусства» [1939, с.7]. В случае с Киссиным творчество в какой-то момент стало вытеснять жизнь.

Двойное существование осложняло жизнь Муни, его отношения с Ходасевичем и окружающими портились. Так, актриса Лидия Рындина в дневнике от 26 января 1909 г. пишет о разобщенности с Ходасевичем и Киссиным: «Владька изменил, еле здороваётся при встрече, Муня обезьяничает тоже, конечно» [цит. по Киссин, 1999, с.196]. Ходасевич так вспоминает тот же период: «Мы не могли никого видеть и ничего делать. Отсюда возникали бездействие и безденежье» [Киссин, 1999, с.16]. Ситуация доставляла много хлопот, между друзьями возникла двусмысленность и непонимание. «Муня бунтовал против Беклемишева (“лез из кожи”, как мы назвали), и дело могло кончиться так, как впоследствии кончилось у Большакова с Переяславцевым», [Киссин, 1999, с.16] – писал Ходасевич. У Большакова с Переяславцевым дело кончилось смертью.

Ходасевич, чтобы завершить историю с *воплощением* и избежать трагедии, под именем Елизаветы Макшеевой опубликовал ироничное стихотворение, посвященное Беклемишеву, разоблачив и высмеяв его таким образом. Важно, что реальная Елизавета Макшеева – одна из актрис второго плана, участвовавшая на той самой премьере державинской пьесы в Тамбове в 1786 году, и, по словам Ходасевича, только тем и «замечательная» [Киссин, 1999, с.16]. Из этого следует, что для Киссина ее имя было достаточным основанием для того, чтобы опознать и настоящего автора стихотворения, и смысл публикации.

Опубликованное разоблачающее стихотворение, по признанию самого Ходасевича – это стихотворение «Поэту» (1908), которое впоследствии было включено им в сборник «Счастливый домик» [Киссин, 1999]:

ПОЭТУ

*Со колчаном вьется мальчик,
С позлащенным легким луком.*

Державин

*Ты губы сжал и горько брови сдвинул,
А мне смешна печаль твоих красивых глаз.
Счастлив поэт, которого не минул
Банальный миг, воспетый столько раз!*

*Ты кличешь смерть – а мне смешно и нежно:
Как мил изменницей покинутый поэт!
Предчувствую написанный прилежно,
Мятежных слов исполненный сонет.*

*Пройдут года. Как сон, тебе приснится
Минувших горестей невозвратимый хмель.
Придет пора вздохнуть и умилиться:
Над чем рыдала детская свирель!*

*Люби стрелу блистательного лука.
Жестокой шалости, поэт, не прекословь!
Нам всем дается первая разлука,
Как первый лавр, как первая любовь.*

[Ходасевич, 1996, с.116]

В качестве эпиграфа Ходасевич использует строки из стихотворения Державина «Анакреон в собрании» (1791):

АНАКРЕОН В СОБРАНИИ

*Нежный, нежный воздыхатель,
О певец любви и неги!
Ты когда бы лишь увидел
Столько нимф и столько милых,
Без вина бы и без хмелю
Ты во всех бы в них влюбился;
И в мечте иль в восхищеньи
Ты бы видел будто въяве:
На станции птичек белых,
Во жемчужной колеснице,
Как на облачке весеннем,
Тихим воздуха дыханьем
Со колчаном вьется мальчик
С позлащенным легким луком
И туда-сюда летает;
И садится он по нимфам,
То на ту, то на иную,
Как садятся желты пчелы
На цветы в полях молодые.
Он у той блистал во взглядах,
У иной блистал в улыбке
И пускал оттуда жалы,
Как лучи пускает солнце.
Жалы были ядовиты,
Но и меду были слаще,
Не летали они мимо,
Попадали они в душу,
И душа б твоя томилась,
Уязвленная любовью, —
Лишь Паллады щит небесный
Утолил твои бы вздохи.*

[Державин, 1957, сс.171-172]

Ходасевич, хорошо знавший творчество Державина и впоследствии написавший одноименную художественно-историческую биографию поэта (1931), не зря выбирает в качестве эпиграфа именно это стихотворение: в нем под именем древнегреческого поэта Анакреона Державин вывел князя Г. Потемкина-Таврического, который в честь празднования взятия Измаила поручил поэту написать «хоры»; под Палладой, очевидно, скрывался намек на императрицу Екатерину II, «охладевшую в это время к Потемкину» [Западов, 1957, с.397]. Таким образом Ходасевич проводит аналогию между страдающими от безответной любви Анакреоном-Потемкиным и Беклемишевым-Киссиным, тоже «певцом любви и неги», и, вслед за Державиным, призывает друга-поэта стойчески переносить горе и проще относиться к превратностям судьбы.

В стихотворении «Поэту» Ходасевич ссылается также на опубликованную от лица Беклемишева элегию «Голодные стада моих полей!..» (1908).

* * *

Венец пустого дня.

Баратынский

*Голодные стада моих полей!
Вам скудные даны на пищу злаки.
С высоких злых небес я не свожу очей,
Гляжу на огненные знаки.*

*Безмолвный страж пустынных вечеров,
Брожу в полях раздумчивый и грустный.
Тревожу тишину сыреющих дубров
Моей свирелью неискусной.*

*И молкнет зов. Ответом гулким мне
Лишь где-то в поле эхо засмеется,
Да ворон, хриплый стон слышавши во сне,
В испуге крыльями забьется.*

*Пустые дни! Пустые вечера!
Ночей неизъяснимые томленья!
Судьбы жестокая и праздная игра
Без усыпленья, без забвенья!*

*Зачем? – не знать, не знать мне никогда!
Небес безмолвны огневые знаки.
Нагих полей моих голодные стада,
И мне даны сухие злаки!*

[Киссин, 1999, сс.62-63]

В качестве эпиграфа Беклемишев использует последнюю строчку из элегии Е. Баратынского «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...» (1840).

*На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свои не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.*

*Не даром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!*

*И тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно*

*Бессмысленно глядит, как утро встанет
Без нужды ночь сменя;
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!*

[Баратынский, 1840, отд. III, с.1.]

Беклемишев вторит Баратынскому, повторяет образы и мотивы смерти и ожидания, жестокой судьбы, смещая акцент с бессмысленного течения жизни на творческую бесплодность: «Тревожу тишину сыреющих дубов / Моей свирелью неискусной».

Вслед за Беклемишевым, сокрушающимся по своей творческой бесплодности, Ходасевич использует образ незрелого поэта («Придет пора вздохнуть и умилиться: // Над чем рыдала детская свирель!»), однако никакой трагедии у последнего нет, ведь пора наивности и плохих стихов пройдет. Общим является и мотив сна: лирический герой Беклемишева сетует на жестокую судьбу, которая не дает ему забыться – лирический герой Ходасевича уверяет поэта, что прошлое как раз и станет таким сном: «Как сон, тебе приснится // Минувших горестей невозвратимый хмель».

Еще одной важной темой, связывающей произведения, является тема знания/незнания. Так, герою Беклемишева, которому не суждено разгадать законов жизни, Ходасевич противопоставляет авторское «я» более опытное и сведущее – в делах любовных и творческих как минимум. Он предсказывает будущее («пройдут года», «пройдет пора»), предчувствует написанный чувственный сонет (намек на интерес Муни к XVIII веку и рыцарской литературе), поучает («люби», «не прекословь»), бросается сентенциями и философствует («Счастлив поэт, которого не минул // Банальный миг, воспетый столько раз!»; «Нам всем дается первая разлука, // Как первый лавр, как первая любовь»).

Отсылка к аллегорическому стихотворению Державина, имя Макшеевой, образы поэтов, тема поэзии и несчастной любви в стихотворениях Державина и Ходасевича, ироническая трансформация тем и образов из элегии Беклемишева в стихотворении «Поэту» – все это однозначно указывало Беклемишеву на авторство Ходасевича и на отношение последнего к затянувшейся драме. Карнавальность – также одна из важных составляющих текста Ходасевича: все высокие и серьезные темы из элегии Беклемишева Ходасевич профанирует, снижает и высмеивает: «Ты кличешь смерть – а мне смешно и нежно». Стихотворение «Поэту» и стало тем самым «ответом гулким» засмеявшегося эха для Беклемишева, что превратил его трагедию в шутку – и тогда «разоблаченному и ставшему шуткой Беклемишеву оставалось одно – исчезнуть» [Киссин, 1999, с.16]. Так завершилась мистификация Киссина.

Искусство сделало Александра Беклемишева реальностью – искусство же его и уничтожило. Беклемишев после своеобразного разоблачения больше не возвращался, «долгие годы Муни не печатал своих стихов» [Андреева, 1993, с.37] и не подписывал стихи Беклемишевым даже в черновиках. Произшедшее сильно повлияло на Киссина и уже впоследствии «он бежал соблазна воплощения, любил повторять: “...я тень от дыма”» [там же]. Спустя восемь лет сама жизнь окончательно вытеснила Муни – поэт покончил с собой 4 апреля 1916 года.

ИСТОЧНИКИ

Баратынский, Е.А., 1840. «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...». *Отечественные записки*, IX(3), отд. III, с.1.

Державин, Г.Р., 1867. Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища. В кн.: *Сочинения Державина*: в 9 т. Санкт-Петербург: изд. Имп. Акад. Наук, 1864—1883. Т.4. сс.7-18.

Державин, Г.Р., 1957. *Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель.

Киссин, С. (Муни), 1999. *Легкое бремя. Стихи и проза. Переписка с В.Ф. Ходасевичем*. Москва: Август.

Ходасевич, В.Ф., 1939. *Некрополь*. Москва: РИПОЛ Классик, сс.7-13.

Ходасевич, В.Ф., 1996. Стихотворения. Литературная критика 1906-1922. В кн.: Ходасевич В.Ф. *Собрание сочинений*: В 4 т. Москва: Согласие, Т.1.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева, И., 1993. «Огромной рифмой связало нас... (К истории отношений Ходасевича и Муни)». *De visu*, 2. сс.24-41.

Ерохина, Т.И., 2009. *Личность и текст в культуре русского символизма: автореферат дис. ... доктора культурологии*. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского.

Западов, В.А., 1957. Комментарий. В кн.: Г.Р. Державин. *Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель, сс.396-397.

Зорин, А.Л., 1988. Начало. В кн.: Ходасевич В. *Державин*. Москва: Книга, сс.5-36.

Кантор В.К., 2013. Любовь к двойнику. Двойничество – миф и реальность русской культуры. *Философский журнал*, 2(11). сс.107-125.

Ланда, М., 1998. Миф и судьба. В кн.: Черубина де Габриак. *Исповедь*. Москва: Аграф. сс.5-46.

Меерсон, О.А., 2009. *Персонализм как поэтика: Литературный мир глазами его обитателей*. Санкт-Петербург: Пушкинский дом.

Осьмухина, О.Ю., 2009. *Авторская маска в русской прозе 1760-1830-х гг.: автореферат дис. ... доктора филол. наук*. Саранск: Типография Издательства Мордовского университета.

Ханзен-Лёве, А., 2003. *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика*. Перевод с немецкого М. Ю. Некрасова. Санкт-Петербург: Академический проект.

REFERENCES

Andreeva, I., 1993. «Ogromnoy rifmoy svyazalo nas... (K istorii otnosheniy Khodasevicha i Muni)» [“A huge rhyme connected us... (‘To the history of the relationship between Khodasevich and Muni’)”]. *De visu*, 2. pp.24-41. (in Russian).

Erokhina, T.I., 2009. *Lichnost' i tekst v kul'ture russkogo simbolizma: avtoreferat dis. ... doktora kul'turologii [Personality and text in the culture of Russian Symbolism: abstract of the dissertation. ... Doctor of Cultural Studies]*. Yaroslavl': Yaroslavl State Pedagogical Univ. named after K.D. Ushinsky (in Russian).

Zapadov, V.A., 1957. *Kommentariy. [Comment]*. In: G.R. Derzhavin. *Stikhotvoreniya [Poems]*. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., pp.396-397. (in Russian).

Zorin, A.L., 1988. *Nachalo [The beginning]*. In: Khodasevich V. *Derzhavin*. Moscow: Kniga Publ., pp.5-36. (in Russian).

Kantor V.K., 2013. *Lyubov' k dvoyniku. Dvoynichestvo – mif i real'nost' russkoy kul'tury [Love for a double. Duality is a myth and reality of Russian culture]*. *Filosofskiy zhurnal [Philosophical Journal]*, 2(11). pp.107-125. (in Russian).

Landa, M., 1998. *Mif i sud'ba [Myth and fate]*. In: Cherubina de Gabriak. *Ispoved' [Confession]*. Moscow: Agraf Publ. pp.5-46. (in Russian).

Meerson, O.A., 2009. *Personalizm kak poetika: Literaturnyy mir glazami ego obitateley [Personalism as Poetics: The Literary World through the eyes of its inhabitants]*. St.Petersburg: Pushkinskiy dom Publ. (in Russian).

Os'mukhina, O.Yu., 2009. *Avtorskaya maska v russkoy proze 1760-1830-kh gg.: avtoreferat dis. ... doktora filol. nauk. [The author's mask in Russian prose of the 1760-1830s: abstract of the dissertation. ... Doctor of Philology. sciences]*. Saransk: Mor-dovian University Print. House Publ. (in Russian).

Hansen-Love, A., 2003. *Russkiy simbolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simbolizm. Kosmicheskaya simbolika [Russian symbolism. The system of poetic motifs. Mythopoetic symbolism. Cosmic symbolism]*. Perevod s nemetskogo M. Yu. Nekrasova [Translated from the German by M. Y. Nekrasov]. St.Petersburg: Akademicheskiiy proekt Publ. (in Russian).

Ս. ԿԻՍԻՆԻ ԳՐԱԿԱՆ ՄԻՍՏԻՖԻԿԱՑԻԱՆ ԵՎ Վ. ԽՈՂԱՍԵՎԻՉԻ «ՊՈՆԵՏԻՆ» ԲԱՆԱՍՏԵՂԾՈՒԹՅՈՒՆԸ. ՄԻ ԲԱՅԱՀԱՅՏՄԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆ

ԱՆԻ ՊԵՏՐՄ-ԲԱՐՑՈՒՄԻԱՆ

Ամփոփում. Հոդվածը նվիրված է Սամուիլ Կիսինի (Մունի) գրական միստիֆիկացիայի և նրա բացահայտման պատմությանը: Ս. Կիսինը փորձել է մարմնավորվել մեկ այլ անձի՝ Ալեքսանդր Ալեքսանդրովիչ Բեկլեմիշևի մեջ և կառուցել մեկ ուրիշ հեղինակային «ես»՝ իր սեփականից տարբեր: Այս փորձի

արդյունքը եղավ մի քանի բանաստեղծություններ և «190*-ի ամռանը» վիպակը, որում արտացոլվել է Կիսինի ապրած կենսական դրաման: Մարմնավորման նման փորձը ծանր ազդեցություն ունեցավ ինչպես Կիսինի, այնպես էլ նրա շրջապատի վրա: 1908 թվականին Վ. Խոդասևիչը Ելիզավետա Մակշենա կեղծանվամբ հրատարակեց «Պոետին» բանաստեղծությունը, որը պետք է վերջ դնէր Կիսինի ծանր սիրո պատմությանը և նրա ձգձգվող կենսակերտման փորձին: Կիսինի գրական միստիֆիկացիայի բնույթը քննվում է երկակիության երևույթի, մասնավորապես՝ հերոսների և հեղինակի (հեղինակների) սահմանային հոգեվիճակների յուրահաստկության լույսի ներքո: Օրագրային գրառումների և հուշերի հիման վրա ուսումնասիրվել է Կիսինի գրական միստիֆիկացիայի բացահայտման պատմությունը, իսկ Խոդասևիչի, Դերժավինի, Բարատինսկու և Բեկյեմիշևը որոշակի ստեղծագործությունների համեմատությունը թույլ է տալիս բացահայտել նրանց միջև կապը և լուսաբանել Խոդասևիչի հրատարակության նպատակը: Հողվածում ընդգծվում է Խոդասևիչի բանաստեղծության քողազերծող գործառույթը, իսկ վերջում հիմնավորվում է «190*-ի ամռանը» վիպակի կառնավալային էությունը: Այդ համատեքստում դիտարկվում է նաև Խոդասևիչի բանաստեղծությունը, որն առանցքային դեր է խաղացել Կիսինի գրական միստիֆիկացիայի բացահայտման պատմության մեջ:

Բանալի բառեր – *գրական խաբեություն, Ս. Կիսին (Մունի), Ալեքսանդր Բեկյեմիշև, Խոդասևիչ, Դերժավին, երկակիություն*